

Литвиновская Ю.И., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, кандидат исторических наук, доцент

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСИЛИЙ РОССИИ НА ЕВРОПЕЙСКИХ ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

PRIORITIES OF FOREIGN POLITICAL EFFORTS OF RUSSIA EUROPEAN BORDERS OF THE EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Наполеоновские войны изменили политическую карту Европы в начале XIX в. Тильзитский мирный договор 1807 г. между Россией и Францией означал возникновение новой системы международных отношений на континенте. Но договор не устранил франко-российские противоречия. Мир был тягостным для России. Наполеон и Александр I готовились к новой войне и искали себе союзников.

Ключевые слова: *дипломатия, война, политика, Наполеон, Александр I, Россия, Франция, Пруссия, Турция, Польша, переговоры, правительство, соглашение, отношения, блокада.*

The Napoleonic wars changed the political map of Europe in the early nineteenth century. The Treaty of Tilsit in 1807 between Russia and France meant the emergence of a new system of international relations on the continent. But the treaty did not eliminate the Franco-Russian contradictions. The world was painful for Russia. Napoleon and Alexander I were preparing for a new war and were looking for their allies.

Keywords: *diplomacy, war, politics, Napoleon, Alexander I, Russia, France, Prussia, Turkey, Poland, negotiations, government, agreement, relations, blockade.*

«Союз России с Францией всегда был предметом моих желаний ... только он может обеспечить счастье и покой мира ... Совсем новая политическая система должна заменить ту, которая существовала ...» – писал Александр I в инструкции своим дипломатам, которые вели переговоры о мире в Тильзите [1, с. 472]. Но Тильзитская система международных отношений не привела к спокойствию на западных границах России. Неуклонное расширение наполеоновской империи вызывало все большую тревогу в Петербурге. Вместе с тем, и прусское, и австрийское правительства, подписывая соглашения с Францией, одновременно вели за спиной Наполеона тайные переговоры с Александром I. Со своей стороны Франция стремилась распространить свое влияние на Балканский полуостров. С этой целью, в частности, в Турции разжигается ненависть к России. «Я заставлю Россию раскаиваться, и тогда, быть может, ей придется потерять не только польские области, но и Крым», – гневно кричал Наполеон в ответ на протесты Александра I после присоединения к Франции Ольденбурга, герцогства, правитель которого находился в родстве с царской семьей [1, с. 482].

Неизбежность войны с Францией способствует активизации усилий России по поиску союзников. Чрезвычайно важной в этих условиях являлась позиция двух, остающихся формально самостоятельными, крупных держав континента – Австрии и Пруссии.

В послании прусскому королю Фридриху Вильгельму III от 7(19) февраля 1811 г. Александр предлагает ему поддержать Россию в предстоящей схватке с Наполеоном, обещая щедро вознаградить Пруссию после победы. «Если провидение ниспошлет успех

нашим армиям, – писал царь, – участь Европы стонущей под игом, будет облегчена, и тогда Вы предоставите мне самую желанную для меня возможность содействовать возмещению всех потерь, понесенных Вашей монархией» [2, с. 62, 65].

В инструкции русскому посланнику в Вене Г.О. Штакельбергу Александр I пишет о желательности склонить Австрию к союзу с Россией и высказывает соображения о возможных территориальных присоединениях за это. В послании королю Пруссии царь подтвердил свою готовность поделиться с Австрией территориальными приобретениями по итогам войны с Османской империей 1806-1812 гг. «Намечаемая мною уступка Австрии части провинций, завоеванных мною у турок, позволяет мне надеяться, что при благоприятных условиях она не откажется от сотрудничества с нами ради возвращения потерянного ею» [2, с. 65, 83].

Территориальные приобретения на Балканах и в Италии предлагал Александр австрийскому императору Францу I и в письме от 8(20) февраля 1811 г. в компенсацию за нейтралитет в случае войны между Россией и Францией. В этом же духе были и заявления сделанные австрийскому посланнику в С.-Петербурге и Ф. Сен-Жюльену высшими должностными лицами царского правительства [2, с. 77, 690].

Однако, центром приложения внешнеполитических усилий России в поиске союзников для предстоящей борьбы с Францией была Пруссия. Положение Пруссии было очень сложным. По существу она сохранила свою независимость после Тильзитского мира благодаря поддержке Александра I. Вокруг ее территории стояли войска Наполеона, они были в Данциге и крепостях на Одере, на страну была наложена большая контрибуция. В политических кругах Берлина за влияние на короля боролись как сторонники более тесных отношений с Францией, так и те, кто ориентировался на поддержку России. Страх приближающейся войны между Францией и Россией, а в этом случае находящаяся в центре Европы Пруссия превращалась в поле битвы со всеми вытекающими последствиями, послужил поводом к тому, что «французская партия» одержала верх. Посчитав обстановку в Париже подходящей, 2(14) мая 1811 г. Фридрих Вильгельм III направил специальное письмо своему посланнику в Париже генералу Ф.В.Л. Круземарку и предписал ему «предложить императору Наполеону заключить оборонительный и наступательный союз, в силу которого во всех войнах, какие бы ни предприняла Франция в Германии или на границах Пруссии, и которые не будут чужды выгод этого государства, она предоставит в распоряжение императора Наполеона вспомогательный корпус войск, сообразный со своими средствами» [3, с. 389].

Но в мае 1811 г. заключить договор с Францией Пруссии не удалось. По словам прусского канцлера барона К.А. Гарденберга «желание не возбуждать подозрений России послужило причиною к тому, что император Наполеон не хотел войти ни в какие объяснения о предложении короля в мае месяце заключить союз с Францией, то это обстоятельство не может уже иметь прежнего значения в настоящее время, когда военные приготовления Франции против России достигли таких размеров и все более и более увеличиваются, и когда сам император по великодушию своему не скрывает уже от петербургского кабинета возможную цель этих вооружений» [3, с. 409].

В Берлине все были уверены о неизбежности русско-французской войны в следующем 1812 г. С приближением войны и Россия, и Франция, а у каждой были свои причины, стремятся заручиться союзом с Пруссией, какой бы слабой она не казалась. Берлинский кабинет в этих условиях пытается вести двойную политику. В сентябре 1811 г. правительство направило в С.-Петербург генерала Г.И. Шарнгорста для переговоров о согласовании военных планов России и Пруссии на случай войны с Францией. Миссия была тайной. Генерал занимал видное место в политической жизни Пруссии. В 1807-1810 гг. он являлся военным министром королевства. Реорганизовал прусскую армию, сделав ее более современной. Являлся принципиальным противником ориентации страны на Францию и сторонником сближения с Россией.

Зная о подобных построениях генерала, Наполеон еще в марте 1810 г. потребовал у Фридриха Вильгельма III освободить Шарнгорста с должности военного министра. Король выполнил это требование, но увольнение было формальным, генерал по-прежнему пользовался влиянием при дворе. Русский посланник в Берлине Х.А. Ливен писал об этом: «Генерал Шарнгорст известен королю как человек самой безупречной честности, принципиальный противник новой господствующей в Европе системы, преданный России и в особенности, жаждущий случая, могущего освободить государя, которому он служит, из-под ига, под которым тот вынужден находиться. Никогда решения политического, административного или военного характера не принимались без вызова Шарнгорста для совета или консультации с ним во всем. В равной мере он облечен полным доверием короля и связан тесной дружбой с государственным канцлером» [2, с. 689]. Русское правительство пыталось использовать положение и влияние Шарнгорста при дворе для того, чтобы склонить Фридриха Вильгельма III к союзу с Россией в предстоящей борьбе с Францией.

Но, следует отметить и особенность политики королевского двора Пруссии. Русский посланник в Берлине князь Ливен писал, что правящие круги Пруссии «во всем придерживаются тактики выжидания» и посылая Шарнгорста в Россию, рассчитывают «подготовиться к любым неожиданностям, договорится о силах, выделяемых для совместной обороны, и обеспечить посредством единого плана наиболее благоприятные возможности для успешного ведения войны». Депеша Ливена была выдержана в довольно оптимистичных тонах. Посланник сделал предположение, что «надежду на искреннюю помощь со стороны Пруссии теперь может сменить уверенность в ней». Однако, как показало дальнейшее развитие событий Ливен ошибался [2, с. 709].

Как уже отмечалось, визит Шарнгорста осуществлялся в условиях абсолютной секретности. 12(24) сентября под именем подполковника Менина он прибыл в Царское Село. Для ведения переговоров к нему присоединился сотрудник прусского представительства в С.-Петербурге подполковник Шёлер. С русской стороны в переговорах участвовали Александр I и военный министр М.Б. Барклай де Толли. Протоколов не велось. Единственным источником на основании которого можно было исследователям впоследствии составить представление о содержании переговоров были отчеты генерала Шарнгорста Фридриху Вильгельму III. Из них видно, что важнейшими среди обсуждавшихся вопросов были о предполагавшейся войне с Францией и о выдвижении русских войск глубоко на запад – на левый берег Вислы. Эта армия должна была без особых проволочек, по первому требованию короля прийти на помощь Пруссии.

Идея выдвижения русских войск далеко на запад не нравилась царю. Армия оказывалась на большом удалении от своих тылов и являлась легко уязвимой для французских сил, находящихся в герцогстве Варшавском и в Германии.

Александр I отдавал предпочтение подписанию союзного договора с Пруссией для обеспечения совместных действий против Наполеона. И 25 сентября (7 октября) министр иностранных дел России Н.П. Румянцев через посланника в Берлине Х.А. Ливена направил прусскому правительству составленный императором проект договора об оборонительном и наступательном союзе между Россией и Пруссией [2, с. 177-179].

Генерал Шарнгорст был весьма настойчив в продвижении своей концепции войны с Францией и в конечном итоге после долгих дискуссий царь согласился на составление военной конвенции на основе прусских предложений, которую и подписал 5(17) октября [2, с. 710].

В то же время буквально в самый канун секретных переговоров в Царском Селе в Берлине начали развиваться события противоположного порядка. Французский посланник при королевском дворе А. Сен-Марсан предъявил прусскому правительству сформулированные в ультимативной форме требования Наполеона о прекращении военных приготовлений и реконструкции крепостей. Посланник заявил также, что в

ближайшее время он должен получить полномочия на заключение секретного союзного договора с Пруссией. В своем донесении от 12(24) сентября русский посланник в Берлине Ливен сообщал о решении прусского короля принять требования Наполеона. Подписанную же Александром I военную конвенцию Фридрих Вильгельм III отказался ратифицировать под тем предлогом, что она не обеспечивала безопасности его владений. Этот же предлог прусское правительство использовало и для объяснения необходимости своего сближения с наполеоновской Францией, переговоры с которой начались практически одновременно с миссией генерала Шарнгорста [2, с. 710, 714].

Французский посланник в Берлине Сен-Марсан обсуждал как прусский проект договора, так и французскую военную конвенцию. Переговоры были довольно продолжительными, но попытки Пруссии выговорить себе какие-либо существенные льготы военного или экономического характера успеха не имели. Затягивая переговорный процесс Наполеон пытался не допустить образования накануне войны союза между Россией и Пруссией. Наконец в январе 1812 г. французский министр иностранных дел Г.Б. Маре, герцог Бассано, направил письмо прусскому посланнику в Париже барону Круземарку в котором говорилось: «Любезный барон! Настало время произнести приговор о судьбе Пруссии. Я не скрою от вас, что для меня это вопрос жизни или смерти. В Тильзите намерения императора в отношении Пруссии были весьма строги. Эти намерения такими же и остались и могут измениться только в том случае, если Пруссия сделается нашею верною союзницею. Время дорого, обстоятельства важны». Параллельно в Берлине Сен-Марсан решительно объявил прусскому правительству, что Наполеон не согласен ни на какие уступки как-то увеличение числа прусских войск, возвращение крепостей и т.д. В условиях подобного давления прусский король Фридрих Вильгельм III решился немедленно утвердить договор в том виде как его предложила Франция [3, с. 457].

Договор об оборонительном и поступательном союзе между Пруссией и Францией, равно как и секретная военная конвенция были заключены 24 февраля 1812 г. В конвенции были определены условия, на которых Пруссия согласилась участвовать в войне с Россией. Для участия в военных действиях Пруссия обязывалась выставить вспомогательный корпус численностью в 20 тыс. человек. В случае благоприятного исхода войны конвенция предусматривала территориальную компенсацию Пруссии. Речь явно шла о Прибалтийских землях России [2, с. 717, 734].

Попав в полную зависимость от Наполеона, прусский король весной 1812 г. предпринимает еще один недружественный шаг по отношению к России. По требованию Франции 15 апреля он издал указ о запрещении ввоза в Пруссию колониальных товаров из России, что наносило серьезный ущерб русским торговцам [2, с. 734].

Стремясь сгладить негативное впечатление в Петербурге от франко-прусских переговоров Фридрих Вильгельм III в переписке с Александром I заверял его, что Пруссия не имеет другого выбора, так как желает любой ценой избежать войны с Наполеоном в силу географического расположения своих владений, стремясь не допустить, чтобы территория Пруссии стала полем битвы в случае войны в Европе. В своих письмах царю Фридрих Вильгельм III также заявлял, что Наполеон войны не хочет и сохранение мира на континенте зависит только от Александра [2, с. 698-699].

В Петербурге этот шаг короля вызвал сожаление. «Не могу скрыть от вас, граф, – писал министр иностранных дел Н.П. Румянцев русскому послу в Берлине Ливену, – что император, рассуждая об этом предмете и увлекаясь чувствами искренней дружбы к королю, выразил опасение, как бы такой союзный договор, во всяком случае невыгодный для Пруссии, не отдалил от него сердца его подданных. Они не могут не заметить, что его воля направлена к тому чтобы, заглушить в них благородное и горячее желание видеть независимым свое отечество; а без этого желания население не может составить народа (sane laquelle tout peuple cesse de former une nation)» [3, с. 422].

А сам Александр I, раздосадованный поступком короля Пруссии написал Фридриху Вильгельму III пространное послание, лейтмотивом которого были слова «Лучше все-таки славный конец, чем жизнь в рабстве» [4, с. 193].

Частые недоразумения в русско-французских отношениях накануне войны 1812 г. вызывал польский вопрос. В 1807 г. по Тильзитскому договору Наполеоном было создано Варшавское герцогство. С тех пор это обстоятельство, различные вопросы правосубъектности герцогства весьма болезненно воспринимались в Петербурге.

Позиция же Наполеона относительно перспектив существования этого государственного образования была довольно противоречивой. С одной стороны, как видно из ноты министра иностранных дел Н.П. Румянцева французскому послу в С.-Петербурге Коленкуру от 28 ноября (10 декабря) 1809 г., правительству Александра I «было сообщено, что император Наполеон не только не желает способствовать возникновению столь чуждой ему идеи о возрождении Польши, но и готов сотрудничать с императором Александром во всем, что может навсегда стереть память о ней в сердцах прежних жителей Польши; что е. в-во с одобрением относится к тому, чтобы слова «Польша» и «поляк» исчезли не только из всех политических актов, но даже из истории» [5, с. 310].

С другой стороны, по итогам подписанного в Вене 14 октября мирного договора между Францией и Австрией большая часть ранее принадлежавшей Австрии Западной Галиции передавались Варшавскому герцогству [5, с. 679].

Это было сделано несмотря на то, что еще практически в начале венских переговоров 9(21) августа 1809 г. Александр I направил письмо Наполеону в котором напомнил ему о заинтересованности России в польском вопросе и данных французским императором в Тильзите и Эрфурте обещаниях не восстанавливать Польшу. Александр рекомендовал Наполеону устранить все, что могло бы помешать сохранению русско-французского союза [5, с. 155, 679].

Озабоченность России политикой Наполеона в польском вопросе перед войной 1812 г. в той, или иной степени присутствует практически во всех контактах русских и французских дипломатов, либо переписке императоров.

Россия пыталась выработать согласованный с Францией подход к польским проблемам. Определенные надежды в этом плане связывались с подготовкой специального соглашения. Вопрос о заключении русско-французской конвенции по польскому вопросу был впервые поставлен в ноте Н.П. Румянцева французскому послу в С.-Петербурге 15(27) мая 1809 г. Конвенция, по мнению Румянцева, должна была обеспечить «за Россией безопасность владения провинциями, которые были приобретены ... после падения Польского королевства» [6, с. 222]. Несколько позже правительство сообщило и условия на которых Россия могла поддержать эту конвенцию.

Первоначально Париж оставил эти предложения без ответа. Однако настойчивые действия правительства Александра I, а также появившийся проект династического союза с Россией, способствовали тому, что 25 ноября 1809 г. французский министр иностранных дел Жан Батист де Номпер Шампаньи предоставил своему послу в России полномочия заключить конвенцию на поставленных царем условиях. Она был подписана Н.П. Румянцевым и А.-О. Коленкуром 23 декабря 1809 г. (4 января 1810 г.).

В течение месяца ее должен был утвердить Наполеон. По стечению обстоятельств в это же время французской стороной был поставлен вопрос о браке Наполеона с младшей сестрой царя Анной Павловной, которой в январе 1810 г. исполнилось 15 лет. В Париже ратификация конвенции по польским делам была задержана до получения положительного решения Александром I вопроса о браке Наполеона с русской великой княжней. 23 января (4 февраля) последовал мягкий, но решительный отказ царя, который мотивировался возрастом Анны Павловны. В этих условиях Наполеон отказался утвердить конвенцию о Польше [5, с. 684-686].

Вместе с тем польский вопрос не сходил с повестки для русско-французских отношений. Уже 9 февраля по указанию Наполеона был составлен французский проект конвенции о Польше. Касаясь перспектив польской государственности в нем отмечалось, что «Император французов обязуется не помогать никаким начинаниям к восстановлению королевства Польского». Планировалось также договориться не употреблять слова «Польша» и «польский» в официальных бумагах. Срок ратификации конвенции не устанавливался [5, с. 690].

В начале марта 1810 г. Россия представила еще один свой вариант конвенции. Наполеон ознакомился с ним в апреле, но официально свое отношение высказал только 20 мая 1810 г. Франция выдвигала требование взаимной гарантии существующих в Европе границ. Оно было весьма невыгодным для России. Дело в том, что ей предлагалось в ответ на уступки по польскому вопросу гарантировать сохранение за Францией всех наполеоновских завоеваний. В своих замечаниях Наполеон конкретно указывал на свои права на Пьемонт. Однако, в письменном виде эти предложения французское правительство не оформило. Тем не менее, 12 июля французский министр иностранных дел Шампаньи направил русскому послу в Париже А.Б. Куракину запрос имеются ли у него полномочия подписать конвенцию с учетом сделанных Наполеоном замечаний, т.е. в несколько измененном по сравнению с первоначальным русским вариантом виде. Согласия Петербурга на какие-либо изменения у посла не было. Убедившись в том, что Франция не желает подписывать конвенцию по польскому вопросу на предложенных Россией условиях, министр иностранных дел Н.П. Румянцев 7(19) сентября 1810 г. предписал А.Б. Куракину вопрос о конвенции впредь больше не поднимать [5, с. 393, 694-695].

Польский вопрос занимал важное место не только в отношениях между С.-Петербургом и Парижем. Александр I его активно обсуждал со своим ближайшим окружением, и в частности, с А.А. Чарторыйским. Речь шла о восстановлении Польского королевства, которое «навсегда присоединится к России. Русский император с этих пор будет называться императором российским и королем польским». Королевство представлялось царю как «соединение всех бывших частей Польши, включая и области, отошедшие к России, кроме Белоруссии, так, чтобы границами Польши являлись Двина, Березина и Днепр». Ему он согласен был даровать либеральную конституцию.

В случае, если последует ответная реакция Наполеона, ее, полагал Александр I, можно будет пресечь силами, имеющихся в этом районе русских войск общей численностью в 364500 человек, которые будут подкреплены 50000 польского войска и 50000 пруссаков. Правда в этом проекте царя имелось условие, которое превращало его в утопию: «формальное и положительное удостоверение в том, что все жители герцогства (Варшавского. – Ю.Л.) единодушно желают и стремятся к достижению этого, гарантированное подписями наиболее известных лиц в Польше» [2, с. 56-57]. Среди польской аристократии безусловно были такие как А.Чарторыйский, которые ориентировались на поддержку со стороны России, но господствующие позиции в герцогстве Варшавском занимали магнаты и шляхта, являвшиеся сторонниками Наполеона.

Одним из наиболее существенных вопросов европейской политики в период существования Тильзитской системы международных отношений была судьба слабеющей Оттоманской империи и разграничение сферы влияния на Балканском полуострове.

Для России вопрос был весьма актуальным уже потому, что с 1806 г. страна находилась в состоянии войны с Турцией. Внутренняя неустойчивость Оттоманской державы, упадок военного могущества, разложение социальных верхов явилось причиной того, что в политике европейских держав уже на протяжении не одного столетия муссировался тезис о разделе империи. Речь при этом шла не о захвате этнической территории турок, а о перераспределении захваченных Османами земель в пользу более

сильных держав континента. Не обошел вниманием этот вопрос и Наполеон, тем более, что он напрямую касался важнейшего вектора его внешней политики – отношений с Россией. В Тильзите Александру I было сделано предложение о разделе Турецкой империи. Сказанное Наполеоном не было зафиксировано на бумаге, никакого соглашения на этот счет достигнуто не было. Императоры договорились обсудить проблему «турецкого наследства» отложить на будущее. А.-О. Коленкур, хорошо ориентируясь в мыслях и поступках Наполеона, резюмируя в своих мемуарах сказанное в Тильзите заметил, что Наполеон в своих словах и обещаниях Александру I «пошел гораздо дальше, чем хотел идти в политике» [7, с. 559].

Обсуждение проблемы происходило во время франко-русского диалога в условиях несовпадения взглядов сторон. Александр I считал, что слабая Турция является весьма удобным соседом и следует «всеми средствами содействовать сохранению этого государства», так как слабость Турции, ее плохое внутреннее управление «служат драгоценным ручательством безопасности» России [7, с. 558].

Наполеон, безусловно рассматривая Турцию в перспективе как желанный объект своей будущей экспансии, на данном этапе, выдвигая идею раздела Оттоманской империи стремился, считая Порту традиционным противником России, втянуть Александра I в длительный восточный конфликт и тем самым ослабить военный потенциал России.

Более того, тогдашние французские аналитики обращали внимание Наполеона на то, «какие опасности для Французской империи и всех ее союзников представляло бы расчленение Оттоманской империи». В записке, представленной императору 9 декабря 1808 г. говорилось: «Позволительно заметить, что если произойдет раздел Оттоманской империи русские войдут в Константинополь, ... никакие возможные варианты раздела, никакие территориальные компенсации не предохранят Италию и юг Европы от всеобщего потрясения» [7, с. 562].

Наиболее откровенно точка зрения императора французов по восточному вопросу была изложена в секретной инструкции А.-О. де Коленкуру, герцогу Винченцскому при его назначении послом в Санкт-Петербург в ноябре 1807 г. В ней говорилось, что Наполеон «очень далек от мысли о разделе Турецкой империи и считает эту меру пагубной». Но посол ориентировался на поддержание в окружении русского царя иллюзий в этом вопросе «стараться не разрушать совершенно ее (России – Ю.Л.) надежду» [7, с. 560].

Восточный вопрос в 1808 г. затрагивался в переписке двух императоров, а 2-9 марта в ходе франко-русских переговоров состоялась широкая политическая дискуссия между послом Наполеона А.-О. де Коленкуром, Александром I и его министром иностранных дел Н.П. Румянцевым относительно раздела Турецкой империи. Переговоры закончились без определенного результата. А с конца 1808 г., убедившись в невозможности достигнуть прочного соглашения с Наполеоном и в нереальности его восточных проектов, а также в стремлении втянуть Россию в длительный конфликт с Турцией и тем самым серьезно ослабить ее военный потенциал и запутать в восточных делах, русское министерство иностранных дел стало недвусмысленно высказываться против нового обсуждения планов большого раздела Оттоманского государства. Черту в этом вопросе подвел Александр I. Он заявил Коленкуру: «Я не стремлюсь к приобретениям за Дунаем. Пусть турки останутся там, где они находятся. Они необходимы для спокойствия мира, ибо с тем, о чем мы говорили в прошлом году, я согласился только для того, чтобы сделать приятное императору и не противодействовать системе, принятой против Англии» [7, с. 563].

Что же касается целей войны, которую Россия вела с Турцией с 1806 г., правительство считало целесообразным ограничиться только приобретением Дунайских княжеств – Молдавии и Валахии. Во время Эрфуртской встречи двух императоров Александру I удалось заручиться соглашением Наполеона на это присоединение, что и

было зафиксировано в восьмой статье союзной конвенции, подписанной 30 сентября (12 октября) 1808 г. В ней говорилось, что император всероссийский исходя из интересов жителей Молдавии и Валахии «перенес уже границы своей империи ... до Дуная и присоединил к своей империи Молдавию и Валахию, не находя возможным признать целостность Оттоманской империи иначе, как под этим условием».

Эрфуртская конвенция определила и дальнейшую судьбу Блистательной Порты. Она всецело зависела от характера русско-французских отношений. В одиннадцатой статье соглашения было откровенно сказано, что «Высокие договаривающиеся стороны обязуются, однако, сохранять целостность прочих владений Оттоманской империи, не желая ни сами совершать, ни допускать каких-либо предприятий против какой-либо части сей империи, не условившись предварительно между собой» [7, с. 363].

Между тем война между Россией и Турцией продолжалась. Долгое время ни одна из сторон не могла добиться успеха. Лишь в 1811 г. М.И. Кутузову удалось нанести туркам решающее поражение под крепостью Руцук на Дунае. Французские дипломаты убеждали султана продолжать войну. «Величайшую услугу окажете России поспешным заключением мира с Портой», – писал Кутузову Александр I. «Слава вам будет вечная» [1, с. 484].

Гибкая позиция России на переговорах и разумная уступчивость по территориальному вопросу дали возможность погасить конфликт, сохранив российское влияние на Балканах.

Таким образом, к началу 1812 г. обстановка на европейских границах России была тревожной. И Наполеон и Александр I открыто готовились к войне и собирали под свои знамена союзников. Однако насильно втянутые в союз с буржуазной Францией феодальные монархии Австрии и Пруссии не хотели порывать и с Россией. 14 марта 1812 г. император Франц I заключил договор с Наполеоном, а в июне направил в Петербург своего посланца графа Л. Лебцельтерна чтобы заверить царя в том что в любом случае «Австрия навсегда останется другом России». Прусский король прислал аналогичные заверения: «Если война вспыхнет, мы будем вредить друг другу только в крайних случаях. Сохраним всегда в памяти, что мы друзья и что придет время быть опять союзниками» [4, с. 190, 193]. Самого большого успеха русская дипломатия добилась на юге. 16(28) мая 1812 г. султан приказал своему визирю подписать Бухарестский мирный договор. Война с Турцией закончилась. Высвобождалась для войны с Наполеоном 52-тысячная Дунайская армия [4, с. 192-193].

1. История дипломатии. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 1. – 896 с.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801-1815 гг. – М.: Политиздат, 1962. – Т. VI. 1811-1812 гг. – 784 с.
3. Попов, А.Н. Отечественная война 1812 года / А.Н. Попов. – М.: 1805. – Т. 1. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. – 503 с.
4. Троицкий, Н.А. Александр I и Наполеон / Н.А. Троицкий. – М.: Высшая школа, 1994. – 304 с.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801-1815 гг. – М.: Политиздат, 1967. – Т.V. Апрель 1809 г. – январь 1811 г. – 784 с.
6. Злотников, М.Ф. Континентальная блокада и Россия / М.Ф. Злотников. – М-Л.: Наука, 1966. – 360 с.
7. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801-1815 гг. – М.: Политиздат, 1965. – Том IV. Июль 1807 г. – март 1809 г. – 782 с.